

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА НА ПЕРЕПУТЬЕ

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО И ЛОКАРНСКОГО РЕЖИМОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 864 с.

«Невыученные уроки» Первой мировой войны, нереализованные альтернативы и упущенные возможности межвоенного периода продолжают занимать умы отечественных и зарубежных историков-международников. Значимой вехой в российских исследованиях истории XX века стал выход в свет монографии И.Э. Магадеева, посвящённой комплексному изучению проблематики европейской безопасности в 1920-х годах. Её автор — доцент Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, известный российский международник, лауреат стипендии Президента Российской Федерации и стипендии «Дидро», конкурса «Глобальные перспективы 2011», автор более 100 научных трудов. Рецензируемая монография подводит итог многолетней кропотливой исследовательской работе [Магадеев И.Э. 2012; 2014; 2019; 2021a; 2021b]. Более того, она стала наиболее капитальным, всесторонним и доскональным исследованием международных отношений в Европе в 1920-х годах в отечественной историографии.

Целью книги стало «выявление ключевых трендов, тенденций и итогов в развитии одной из ключевых международных проблем 1920-х годов — характера и условий организации безопасности и стабиль-

ности» в Европе (С. 5). Отмечая колоссальный масштаб международных и внутренних трансформаций, произошедших после Первой мировой войны, автор указывает на то, что все международные события и процессы в то время были органично и неразрывно связаны с «Великой войной», разворачивались в «её тени» (С. 9).

Рассматриваемый период характеризуется как «эра пацифизма», эпоха несбывшихся надежд и «иллюзорного мира», короткая пауза между двумя крупнейшими катастрофами XX века. Сложность и многоликость феномена европейской безопасности в это десятилетие, выходящие за рамки какой-либо одной теории, обусловили привлечение разнообразного методологического инструментария, в частности конструктивистской и либеральной парадигм, а также методов и подходов из смежных гуманитарных дисциплин: истории, политологии, социологии. Теория режимов и сформулированные в её русле категории «дилеммы безопасности» и «режимов безопасности» — Версальского и Локарнского (С. 21–22) — стали ключевыми аналитическими концептами книги и были использованы её автором весьма плодотворно. Они позволили ему выявить сложные многообразные взаимосвязи разрозненных

элементов европейской безопасности и комплексно их проанализировать.

В своём исследовательском поиске И.Э. Магадеев опирался на широкий круг документальных публикаций, раскрывающих внешнеполитические подходы Великобритании, Франции, Германии, США и СССР, а также на многочисленные зарубежные и российские архивные документы, ранее не введённые в научный оборот. В их числе — документы из фондов Кабинета министров Великобритании и личных фондов руководителей Форин-офиса, материалы французского Дипломатического архива и Национального архива Франции, архивные военные и разведывательные документы и др.

Версальский режим безопасности определяется в монографии как «модель по реализации на практике того “проекта” территориального и военно-политического устройства Европы и мира, который был заложен в мирных договорах 1919–1920 годов» (С. 143). Его ключевыми элементами были англо-французская Антанта, Лига Наций, а также разоружение Германии и послевоенный территориальный статус-кво. В оценке Версальского мирного договора автору удалось найти «золотую середину»: дистанцироваться, с одной стороны, от его тотальной критики, традиционной для историографии XX века, а с другой — от новейших попыток его оправдания и облагораживания. Убедительно показано, что этот договор вобрал в себя всю внутреннюю противоречивость послевоенного европейского устройства, ключевые параметры которого были определены на Парижской мирной конференции. В итоге Версальский режим безопасности оказался гибридом: «с теоретической точки зрения он основывался на концепции переустройства континента на базе принципа “национального самоопределения”, а с практической — на интересах победителей по закреплению результатов Первой мировой и по недопущению реализации альтернативных “проектов” — “мировой революции” во главе с Советской Россией и “Срединной Европы” во главе с Германией» (С. 143–144).

Изначальные хрупкость и незавершённость Версальского порядка, который «предстаёт расколотым и фрагментированным сразу по нескольким направлениям» (С. 852), обусловили стремление побеждённых государств к его полному слому, а победителей — к его существенной модификации, которая произошла в 1924–1925 годах с принятием «плана Дауэса» и подписанием Локарнских соглашений.

Путь от Версаля к Локарно рассматривается в книге с разных углов, что позволяет более полно, чем это сделано в имеющейся историографии, проследить развитие этого политического процесса, а также раскрыть механизмы функционирования многосторонней европейской дипломатии. Кризис Версальского режима безопасности вполне обоснованно увязывается не только с драмой Рурского кризиса 1923 года — ещё одного эха Первой мировой, но и с фактической ликвидацией франко-британской Антанты, ключевым признаком которой был «факт выработки Великобританией и Францией совместных политических решений, перед которыми ставится третья сторона» (С. 321).

Монография убедительно демонстрирует роль США в европейском транзите от Версаля к Локарно. Подчеркивается, что, несмотря на доктринальное возвращение к изоляционизму, официальный Вашингтон и американский финансовый мир в 1920-х годах оказывали существенное влияние на характер стабилизации и решение вопросов безопасности в Европе (С. 160). После принятия «плана Дауэса» и превращения Соединённых Штатов в главного иностранного инвестора в Германии финансово-экономический базис послевоенной стабилизации Европы приобрел трансатлантический характер, что входило в явное противоречие с отказом США от участия в её военно-политической стабилизации.

Существенной модификацией (но не радикальным сломом!) Версальского режима стал пришедший ему на смену Локарнский режим безопасности, становлению и эволюции которого в книге уделяется значи-

тельное внимание. обстоятельно проанализированы основные сходства и различия двух парадигм; показано, каким образом «от механизма Антанты, закреплявшего привилегированное место победителей в Первой мировой войне при дискриминации побеждённых, был совершён переход к системе коллективной выработки политических решений западноевропейскими державами» (С. 523–524).

Главное различие между двумя режимами безопасности усматривается в том, что «Версальский режим был программой навязывания мирных договоров побеждённым государствам и реконструкции Европы за счёт Германии, а Локарнский режим являлся по сути механизмом интеграции Германии в европейскую “большую политику”» (С. 524). Он заметно снизил уровень военно-политической напряжённости на западе Европы, а в вопросе о гарантиях безопасности сместил акцент с военных на политико-правовые инструменты. Произошла общая разрядка напряжённости («малая разрядка»), которая, однако, затронула восток и юго-восток континента в значительно меньшей степени, чем его западную часть.

После Парижа Германия с согласия Лондона и Парижа фактически встала на путь полного восстановления национального суверенитета и возвращения себе статуса великой державы; «система дискриминации Германии ... была преобразована в новый “европейский концерт”»; возможность законного применения санкций по отношению к Берлину практически исчезла» (С. 549). Вместе с тем этот концерт «имел мало общего с системой коллективной безопасности» (С. 805), поскольку Локарнский режим, как убедительно доказывает автор, опирался на слабую институциональную основу. Его главным дипломатическим механизмом были неформальные встречи министров иностранных дел Великобритании, Франции и Германии, решения которых носили столь же неформальный характер и, как правило, держались в тайне от общественности. «Ядро Локарнского режима — концерт Велико-

британии, Франции и Германии — отнюдь не всегда функционировал слаженно и гармонично» (С. 574). Вместе с тем тренд на интеграцию Германии в послевоенный порядок получил во второй половине 1920-х годов развитие: она была принята в Лигу Наций (1926), а ключевые институты Версаля, созданные для её сдерживания (Конференция послов, Союзный военный комитет, Контрольная комиссия), были демонтированы. В 1930 году, на пять лет раньше установленного срока, был завершён вывод войск держав-победительниц из Рейнской области (что явилось неоправданной односторонней уступкой Берлину, серьёзной ошибкой гарантов Версаля, ещё не получившей должной оценки в исторической науке).

При сравнительном анализе моделей Версаля и Локарно автор подчёркивает их важные характеристики, обойдённые вниманием других исследователей. «Версальское урегулирование, — пишет он, — каким бы парадоксальным это ни казалось, учитывая его сложившийся карательный и репрессивный образ, содержало в себе целый ряд интенций к усилению глобализации (создание полноценной Лиги Наций с широким кругом участников) и к построению более или менее цельного режима безопасности в Европе» (С. 843). С другой стороны, создание и развитие Локарнского режима, предполагавшего наличие «границ первого и второго сорта», усиливало процессы регионализации на континенте (С. 842, 851). В его рамках «произошла своего рода регионализация системы безопасности, заложенной в 1919 году» (С. 818). За скобками Локарнского процесса оказались такие крупнейшие державы, как СССР и США, что стало его “родовым пятном”, а также негативным наследством Версаля» (С. 819).

Подводя итоги проведённого исследования, отвечая на его ключевой вопрос: был ли обречён Локарнский режим и вела ли его эволюция к неизбежному кризису и к разрушению европейского статус-кво (С. 816), автор делает важные научные обобщения. Он отмечает, что «непростой, но в целом

успешный процесс взаимодействия Великобритании, Франции и Германии в 1925–1929 годах на базе компромиссов и готовности идти на уступки ... свидетельствовал о том, что Локарнский режим удовлетворял на том этапе (хотя и по разным причинам) интересам всех трёх основных держав» (С. 802). Соответственно, разрядка второй половины 1920-х годов, как уже отмечалось в историографии, «прорисовала человечеству желанную перспективу развития без войн и потрясений, сотрудничества в духе взаимной терпимости и компромисса» (С. 817). Вместе с тем «ресурс этих позитивных тенденций оказался непропорционально мал по отношению к сложности задач, которые требовалось решить международному сообществу» (С. 817). Экспорт модели Локарно в другие части континента не удался, при том что несущие конструкции Версальского режима (французские «тыловые союзы», система контроля над разоружением Германии, институты бывшей Антанты) продолжали слабеть и распадаться (С. 656). В итоге трёхстороннее сотрудничество, временно смягчившее международную напряжённость в Европе, оказалось переходным явлением, а сам Локарнский процесс, столкнувшийся на рубеже 1920–1930-х годов с новыми грозными вызовами, отличался двойственностью и противоречивостью. Лондону и Парижу так и не удалось создать сдерживающие механизмы,

которые не позволили бы усиливающейся Германии нарушить послевоенные базовые правила игры. Кроме того, ещё один ключевой элемент Локарнского режима безопасности – «внутриполитическая стабилизация Веймарской республики на либеральных началах» – также находился под «нарастающей угрозой ввиду ослабления парламентских механизмов и укрепления влияния нацистов» (С. 771) – и в конце концов, не выдержал усиливающегося давления, что имело трагические последствия для судеб Европы и мира.

Завершая обзор, хотелось бы поздравить И.Э. Магадеева с бесспорным творческим успехом. Созданный им фундаментальный научный труд станет незаменимым подспорьем для историков, изучающих Первую мировую войну и межвоенный период. Его стоит рекомендовать студентам, обучающимся по специальностям и направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение». Вводящая в научный оборот широкий пласт архивных документов, новые оригинальные концепты, новаторские оценки и суждения, монография И.Э. Магадеева представляет несомненный интерес и для широкого круга читателей, интересующихся международной историей XX века.

Андрей Сидоров
кандидат исторических наук

Список литературы

- Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021а. 864 с.
- Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 58–68.
- Магадеев И.Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 35–44.
- Магадеев И.Э. Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. М.: Аспект Пресс, 2021б. 256 с.
- Магадеев И.Э. Советское государство и расстановка сил в Европе от Версаля до Локарно // Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925 гг. / Под ред. А.В. Ревякина. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 334–366.

References

- Magadeev I.E. (2012). *Vospriyatiye frantsuzskimi politikami ugroz bezopasnosti v 1920-ye godyy* [Perception of security threats by French politicians in the 1920s]. *Novaya i Noveyshaya Istoriya*. No. 4. P. 58–68.

- Magadeev I.E. (2014). Germanskaya politika Parizha v 20-ye gody XX veka v svete urokov Pervoy mirovoy voyny [German policy of Paris in the 1920s in the light of the lessons of the First World War]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 4 (37). P. 35–44.
- Magadeev I.E. (2019). Sovetskoye gosudarstvo i rasstanovka sil v Yevrope ot Versalya do Lokarno [The Soviet state and the balance of power in Europe from Versailles to Locarno]. In: Revyakin A.V. (ed.) *Voyna, revolyutsia, mir. Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh, 1915–1925 gg.* Moscow: Aspect Press. P. 334–366.
- Magadeev I.E. (2021a). *V teni Pervoy mirovoy voyny: Dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody* [In the Shadow of World War I: The Dilemmas of European Security in the 1920s.]. Moscow: Aspect Press. 864 p.
- Magadeev I.E. (2021b). *Pervaya mirovaya voyna i trendy yevropeyskoy istorii XX veka* [World War I and trends in 20th century European history]. Moscow: Aspect Press. 256 p.